

14. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>. – Дата доступа : 20.09.2017.

In the article the associative links of the lexeme *gopod/ville* in French and Russian linguocultures are considered. Comparing the definitions, lexical-semantic variants and associative reactions, the author of the article analyzes the features of similarity and differences in the vision of the city by native speakers of the two languages. The frequently encountered reactions were identified: the native speakers of French and Russian associate the word *gopod/ville* with 1) the name of a particular city, 2) a characteristic feature, 3) other territorial units.

Л. В. Рускевич
Минск, МГЛУ

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА В ПРОСОДИИ ФРАЗЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ИНТЕРФЕРЕНТНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена анализу результатов эксперимента, целью которого было изучение признаков просодической интерференции в экспрессивных высказываниях на английском языке в речи русскоязычных студентов лингвистов. 50 % фраз экспериментального материала содержали в своем составе экспрессивное слово. Остальные фразы содержали нейтрально-оценочную лексику. Сравнение акустических характеристик просодии речи испытуемых студентов с просодией тех же фраз, произнесенных англичанами, показало, что носители языка способны отразить указанные различия в семантике лексических единиц фразы в ее просодической структуре, однако эти различия ограничиваются локальным участком, образуемым экспрессивным словом. В речи носителей языка, как правило, изменяются и общefразовые характеристики параметров ч.о.т., интенсивности и длительности. В речи билингвов отмечены заметные модификации только по параметру ч.о.т.

Процесс порождения высказывания представляет собой сложный механизм одновременного функционирования различных языковых средств. Выявление специфики взаимодействия языковых единиц разных подсистем остается одной из актуальных проблем лингвистики вообще и фонетики в частности. Экспериментально-фонетические исследования, посвященные данной проблеме, направлены на определение, с одной стороны, степени предсказуемости просодической организации высказывания его синтаксической структурой и лексическим составом и, с другой стороны, роли просодии в идентификации семантико-синтаксического содержания высказывания и его модально-прагматического значения [1 – 4]. Обобщение результатов исследований по рассматриваемой проблеме позволяет утверждать, что взаимодействие просодических средств языка с синтаксическими и лексическими средствами служит целям оптимизации речевого общения, способствуя максимальному выражению коммуникативной установки и интенции говорящего.

Не вызывает сомнений, что взаимодействие языковых средств происходит и в экспрессивной речи, которая представляет собой сложное, многоаспектное явление [5]. В последние два десятилетия интенсивное развитие компьютерных технологий придало новый импульс фонетическим исследованиям экспрессивной речи, что объясняется, в первую очередь, потребностями улучшения качества синтезированной речи, придания ей большей естественности звучания [5]. Кроме того, продолжается изучение механизмов распознавания речевого сигнала, в том числе в экспрессивной речи. Исследования последних двух десятилетий доказывают, что адекватная просодическая организация высказывания с эмоционально окрашенной лексикой способствуют более точному распознаванию речи [6; 7]. Таким образом, совпадение экспрессивной семантики лексической единицы и ее экспрессивной просодической реализации является важной чертой устного высказывания. Следует, однако, подчеркнуть, что правильное распознавание эмоций в речи, особенно на неродном языке, испытывает влияние, в том числе культурных стереотипов и специфики выражения эмоционального содержания в родном языке аудитора [8].

Резко возросший объем иноязычной коммуникации в современном мире вызывает необходимость улучшения взаимопонимания не только на уровне понятийного, но и модально-прагматического содержания высказывания. Несмотря на бытующее мнение о том, что наличие иноязычного акцента не препятствует общению, а является признаком национального своеобразия говорящего, сохранение интонации родного языка в интонации иностранного может, как минимум, сформировать предвзятое мнение о самом говорящем. В частности, по данным многочисленных исследований, русская интонация в английском языке зачастую воспринимается негативно и интерпретируется как недовольная, грубая и даже агрессивная, в то время как у говорящего не было намерения выразить подобные эмоции [9]. Одновременно отмечается, что русские гораздо более лояльно относятся к иностранным акцентам в русском языке [Там же]. В связи с этим особую значимость приобретают профессиональная подготовка преподавателей иностранного языка и их знания и умения осуществлять правильный выбор и точную реализацию просодических единиц в собственной речи.

Исследования в области просодической интерференции недостаточно, на наш взгляд, затрагивали вопрос о влиянии интонации русского языка на экспрессивную речь на английском языке. Мы провели аудитивный и акустический анализ звукозаписей экспрессивных фраз на английском языке, реализованных русскоговорящими студентами. Целью нашего исследования, в частности, было установление наиболее значимых отклонений просодической организации интерферентной речи от речи носителей английского языка, как в экспрессивных, так и в нейтральных высказываниях. В качестве испытуемых выступили девять студентов третьего курса факультета английского языка, получивших на втором курсе отметки «девять» и «восемь» по

практической фонетике английского языка по десятибалльной шкале. Студентам было предложено прочесть вслух 60 предложений на английском языке, содержащих одно экспрессивное слово, и их относительно нейтральных пар, где экспрессивное слово было заменено нейтральным или оценочным, например: *She looked stunning* 'Она выглядела потрясающе' и *She looked nice* 'Она выглядела симпатично'. Каждое предложение было напечатано на отдельной карточке, предложения предлагались для записи вперемешку, чтобы избежать интонации контраста. Затем аудитору – носителю английского языка – было предложено оценить записи по двум критериям: степени иностранного акцента (слабый – умеренный – сильный) и характеру интонации (нейтральная – умеренно экспрессивная – высокоэкспрессивная). В целом аудитор оценил акцент студентов как слабый и умеренный. Умеренный акцент (во всех фразах) был отмечен у двух студентов, имеющих отметки «восемь», слабый – в большинстве (от 66 % до 95 %) реализаций английских студентами, получившими отметку «девять». Мы не обнаружили зависимости проявления иностранного акцента от экспрессивности или нейтральности фразы, однако для окончательного вывода требуется анализ данных большего количества аудиторов. Оценка аудитором характера интонации в целом коррелировала с экспрессивностью фраз: интонация большинства реализаций экспрессивных фраз (от 52 % до 75 % по данным разных дикторов) была оценена как высокоэкспрессивная, остальных – как умеренно экспрессивная. В нейтральных фразах высокоэкспрессивными были признаны от 12 % до 38 % реализаций, умеренно экспрессивными в среднем 58–67 % реализаций.

Мы также изучили некоторые акустические характеристики полученных записей по параметрам частоты основного тона (ч.о.т.) и интенсивности и сравнили их с аналогичными характеристиками, полученными при исследовании интонации этих же фраз, записанных пятью носителями британского варианта английского языка. В частности, мы измерили максимальные общесловесные значения частотных и динамических максимумов в целом во фразе, на экспрессивных лексических единицах и на их нейтральных парах, а также изучили локализацию во фразе максимальных значений указанных параметров.

Схожесть акустических характеристик интерферентной речи и речи носителей обнаружилась при сравнении значений ч.о.т. на экспрессивных и нейтральных фразах, которые отличались в сторону их увеличения на экспрессивных словах в среднем на 15–20 Гц у всех без исключения испытуемых обеих групп. Однако конкретные значения частотных максимумов у русскоговорящих студентов оказались меньше, чем у носителей языка. Разница между ними составила от 20 до 40 Гц. Кроме того, максимальные значения обоих параметров отмечались на экспрессивных словах на 15–20 % чаще, чем на нейтральных, как в речи носителей языка, так и в речи студентов.

По данным нашего анализа, наиболее значительные различия у всех без исключения носителей русского языка, сразу обратившие на себя внимание, – низкие значения амплитуды интенсивности во всех исследуемых частях

фразы. В то время как значения интенсивности в экспрессивных фразах в речи всех носителей английского языка находились в диапазоне в среднем от 58 до 85 дБ, а нейтральных – от 60 до 78–79 дБ, то у носителей русского языка они ограничивались 63–74 дБ в обоих типах фраз. Различия между амплитудами интенсивности на экспрессивных и нейтральных словах в составе экспериментальных фраз и на первом полноударном слоге фраз в исполнении студентов практически отсутствовали, в отличие от различий по ч.о.т., которые были сопоставимы с данными, полученными при анализе речи носителей английского языка.

Еще одним признаком, отличающим просодическую организацию фраз, реализованных русскоязычными испытуемыми, от просодии носителей английского языка, является отсутствие у студентов различий общефразовых значений ч.о.т. и интенсивности между экспрессивными и нейтральными фразами. Нередко данные значения в нейтральных фразах превышали экспрессивные. В речи носителей английского языка, в свою очередь, наблюдалась четкая тенденция к превышению общефразовых значений ч.о.т. и особенно интенсивности экспрессивных высказываний над аналогичными значениями в нейтральных фразах.

Постоянной характеристикой эмфатической просодической выделенности слов экспрессивной семантики в речи носителей английского языка оказалось увеличение длительности начального согласного ударного слога в среднем на 200 %. В случае не прикрытого ударного слога (например, в словах *awfully* ‘ужасно’, *absolutely* ‘абсолютно, совершенно’) слог начинался с так называемого твердого приступа (*glottal stop*). В речи студентов этот признак отсутствовал.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам.

1. Подготовленные русскоязычные студенты, прошедшие обучение в рамках курса «Практическая фонетика английского языка», способны отразить специфику лексического состава в просодической структуре английского высказывания, содержащего экспрессивную лексику, хотя и недостаточно, по сравнению с носителями языка, раскрывают экспрессивный потенциал таких высказываний.

2. Наибольшее сходство просодической организации высказываний с экспрессивной лексикой, реализованных русскоговорящими испытуемыми и носителями английского языка, наблюдается на локальном участке фразы, занимаемом экспрессивной лексической единицей. Это проявляется в увеличении максимальных значений ч.о.т. и более частой локализации частотных и динамических максимумов на экспрессивных словах.

3. Различия в просодии экспрессивных и нейтральных высказываний в речи неносителей языка реализуются, главным образом, за счет модификаций частоты основного тона, являющегося акустическим коррелятом высотно-мелодического компонента просодии. В свою очередь, другие просодические параметры (интенсивности, длительность) используются недостаточно.

4. Наиболее заметными признаками просодической интерференции в речи русскоговорящих студентов являются, прежде всего, отсутствие различий общефразовых максимальных значений интенсивности и ч.о.т. между экспрессивными и нейтральными фразами. Этот факт свидетельствует о недостаточно полном представлении об экспрессивности и об экспрессивной просодии как о глобальном явлении, захватывающем фразу и контекст в целом.

Проведенное нами исследование интерферентной речи в аспекте экспрессивности позволило определить наиболее заметные отклонения в просодической организации высказываний с экспрессивными лексическими единицами. Однако исследование нуждается в дальнейшем расширении и уточнении, анализе большего числа характеристик, которые позволят более полно раскрыть все аспекты проникновения интонации родного языка в интонацию английского с целью более эффективного их устранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Selkirk, E. O.* Phonology and syntax: the relationship between sound and structure / E. O. Selkirk. – Cambridge : The MIT Press, 1986. – 424 p.
2. *Lehiste, I.* Phonetic disambiguation of syntactic ambiguity / I. Lehiste // The J. of the Acoustical Society of America. – 1973. – Vol. 53, iss. 1. – P. 380.
3. *Wharton, T.* Pragmatics and prosody / T. Wharton // The Cambridge handbook of pragmatics / ed. by A. Keith, K. Jaszczołt. – Cambridge, 2012. – P. 567–584.
4. *Wichmann, A.* Where Prosody Meets Pragmatics: Research at the Interface / A. Wichmann, N. Deche, D. Barth-Weingarten // Studies in Pragmatics. – Vol. 8. – 2009. – P. 1–22.
5. *Erickson, D.* Expressive speech: production, perception and application to speech synthesis / D. Erickson // Acoustical Science a. Technology. – 2005. – Vol. 26, № 4. – P. 317–325.
6. *Nygaard, L. C.* Communicating emotion: Linking affective prosody and word meaning / L. C. Nygaard, J. S. Queen // J. of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 2008. – Vol. 34(4). – P. 1017–1030.
7. *Chen, K.* How Prosody Improves Word Recognition / K. Chen, Hasegawa-Johnson, M. // Proceedings : [intern. conf.] Speech Prosody : Nara (Japan), 23–26 Mar. 2004 [Electronic resource] / ed. by B. Bel, I. Marlien. – Mode of access : http://www.isca-speech.org/archive_open/sp2004/sp04_583.pdf. – Date of access : 20.10.2017.
8. *Scherer, K. R.* Emotion inferences from vocal expression correlate across languages and cultures / K. R. Scherer, R. Banse, H. G. Wallbott // J. of Cross-Cultural Psychology. – 2001. – Vol. 32. – P. 76–92.
9. *Popkova, E.* The Backyard of EFL Teaching: issues behind L1 Prosodic Interference in Russian English / E. Popkova // J. of Language and Education. – 2015. – Vol. 1, Iss. 4.– P. 37–44.

The article presents the results of a phonetic experiment, which was aimed at investigating the features of prosodic interference in English expressive utterances pronounced by Belarusian bilingual language learners. The study has shown that non-native learners of

English are capable of showing the difference in the prosody of lexically neutral and expressive utterances, although this difference is not as conspicuous as that of native speakers. Belarusian learners only modify the pitch characteristics of expressive words, while native speakers tend to change the pitch, loudness and durational features of the expressive word and of the whole utterance as well.

В. С. Селезнёва

Минск, МГЛУ

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГОРОД» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Представлены результаты исследования метафорических моделей, репрезентирующих концепт «город», в когнитивном аспекте. На основе анализа произведений немецких авторов XVIII, XIX, XX вв. и актуальных текстов немецких путеводителей выявлены и описаны артефактные, природоморфные, антропоморфные и социоморфные виды метафорической репрезентации образа города в немецкоязычной картине мира.

У каждого народа складываются определенные национальные формы выражения различных понятий и идей, особенности восприятия и отражения окружающей действительности. Комплекс национальных установок, отличающих одну народность от другой, формируют картину мира, объединяющую всех членов данного социума и находящую свое отражение, прежде всего, в языке. Именно язык является материальной формой выражения человеческой ментальности, отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, показывая национальные различия этносов. Следовательно, языковая картина мира как одна из важнейших форм отражения человеческой действительности представляет собой «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [2, с. 79].

В аспекте рассматриваемого явления концепт «город» представляется нам одним из существенных элементов картины мира немецкого народа. Безусловно, понятие *город* является многогранным явлением и включает архитектурные сооружения, памятники, здания, открытые/закрытые пространства, стены, опоясывающие поселение или культурный центр, жителей как его неотъемлемую составляющую и т.п. Однако, принимая определение концепта, согласно которому **«концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»** [1, с. 269], следует признать правомерным когнитивный аспект рассмотрения данного концепта с целью обнаружения метафорической репрезентации образа города.

Когнитивный подход при рассмотрении концепта позволяет выйти за пределы изучения непосредственного языкового значения, раскрыть видение